

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья А. Д. Соймонова*

Комментарии Н. П. Колпаковой

Путь Киреевского как собирателя песен начался в 30-е годы, когда в науке были поставлены задачи изучения поэзии крепостной деревни в ее подлинном, неприкрашенном виде. Борьба с крепостничеством, составлявшая главное содержание общественной и литературной жизни того времени, получила отражение и в фольклористике. Высоко оценив историческое значение народной поэзии, заключающей в себе и памятники древней поэтической культуры и современные произведения, Киреевский и другие собиратели, сгруппировавшиеся вокруг него, стремились сделать ее достоянием литературы. В конечном итоге их деятельность была направлена на то, чтобы в литературе зазвучал голос крепостного крестьянина.

Основные записи Киреевского начала 30-х годов относятся к Подмосковию. С 1831 по 1833 г., живя в Москве, он каждое лето выезжает на дачу в с. Ильинское и расположенное рядом Архангельское (имение Юсуповых). Здесь среди местных жителей он собирает песни, посещая с этой же целью близлежащую деревню Воронки. По свидетельству самого собирателя, им было записано в то время триста песен¹. Значительная часть этого материала сохранилась и опубликована. Из неопубликованных в настоящем томе печатается 57 песен. По своему составу и содержанию они очень типичны для поэзии крепостной деревни начала прошлого века, испытавшей известное влияние городской культуры.

В 30-е годы Киреевский записал песни о рекрутчине и солдатской службе, песни семейные, главным образом о неравном браке, бытовые и свадебные. Среди записей Киреевского этого времени, опубликованных в «Новой серии», рекрутские и солдатские песни составляют почти половину. Это показывает, насколько чутко уловил собиратель одну из центральных тем песенной поэзии крепостной деревни. Рекрутчина и 25-летняя служба в николаевской армии была одной из самых тяжелых повинностей, ложившихся на народные массы. В 1831 г., когда Киреевский начал записывать песни, как раз были введены ежегодные рекрутские наборы. Все это получило яркое отражение в народной поэзии.

Значительную часть записей, собранных в те годы Киреевским, составляли свадебные и семейно-бытовые песни. Тема семьи и брака, всегда занимавшая центральное место в крестьянской поэзии, привлекает внимание ученых и писателей; свадебными песнями интересовался и Пушкин². Собранные материалы имеют большую научную и художественную ценность как поэзия, дающая правдивую, реалистическую картину жизни крепостной деревни.

Научное значение деятельности Киреевского начала 30-х годов заключалось также в том, что им впервые в русской фольклористике было осуществлено систематическое изучение песенной традиции определенных населенных пунктов. На этой основе в процессе работы он первым среди собирателей фольклора начал разрабатывать методику паспортизации текстов. В его материалах находим данные о том, когда и где записаны песни, и первоначальные сведения об их исполнителях. Кроме того, он старался указывать, откуда исполнители. Так под текстами песен, записанных в 1831 г.

* Общую характеристику места и значения П. В. Киреевского в истории русской фольклористики и оценку его деятельности по созданию Собрания см. выше, в статье А. Д. Соймонова и Г. Н. Париловой (стр. 9—76).—*Ред.*

в Ильинском, встречаются пометки: «Алена из с. Петровского». Когда же ему не удавалось узнать что-либо об исполнителях, он помечал: «извозчик», «солдат», «цыганка» и т. п.

Запись песен в Подмоскovie помогает Киреевскому накопить значительный опыт. Но это было лишь начало его деятельности. Собранные материалы, ограниченные преимущественно семейно-бытовой лирикой, не могли удовлетворить Киреевского, так как его особенно интересовал исторический эпос народа. С этой целью он задумывает и осуществляет летом 1834 г. специальную поездку, которую можно назвать первой фольклорной экспедицией. Местом для экспедиции он избрал Новгород и близлежащие уезды и деревни (г. Осташков, погост Рогоза, дер. Острицы и др.). Великий Новгород в представлении передовой русской интеллигенции того времени олицетворял свободу и демократию древней Руси. Киреевский надеялся, что здесь могли сохраниться песни о новгородской вольнице. Но его ожидало жестокое разочарование. Никаких песен о новгородской старине он не нашел; к тому же собирание песен вызвало подозрение полиции и местных помещиков, которые приняли его за «шпиона и карбовара»³. Он писал из Новгорода: «Ездить отсюда некуда, кроме разве некоторых монастырей, и предания здесь только одни могилы и камни, а все живое забито военными поселениями, с которыми даже и тень поэзии несовместна...»⁴

Можно предположить, что если бы Киреевский поехал не в Новгород, а в Олонецкую губ., на территорию бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода, то он нашел бы там произведения народной поэзии об историческом прошлом: былины о Василии Буслаевиче, о Садко и многие другие. Выдвинутая им идея собирания песен в новгородских землях продолжала волновать многих исследователей, пока, наконец, П. Н. Рыбникову, сосланному в Петрозаводск, удалось открыть подлинную сокровищницу русского народного эпоса в районах, принадлежавших когда-то Великому Новгороду. Киреевский первый предвидел возможность такого открытия, но не смог осуществить его. Однако за время пребывания в Новгороде и близлежащих районах он все же собрал довольно большое количество песен. Главное место среди них заняли семейные, бытовые, солдатские, бурлацкие, разбойничьи. Были записаны и исторические песни. Киреевский разыскал интересных исполнителей, например мещанку Феклу Евстигнееву, от которой 3 сентября 1834 г. в Новгороде он записал былинку, исторические и солдатские песни. Некоторые из его новгородских записей, ранее не публиковавшиеся, вошли в настоящий том.

После экспедиции в Новгород интерес Киреевского к историческому эпосу народа возрастает, и он все шире развертывает собирательскую работу. Приехав в Москву, он начинает там разыскивать местных старожилов — исполнителей песен, этим же он систематически занимается, выезжая в свои имения в Калужскую и впоследствии в Орловскую губ. В результате ему удается записать былины, баллады эпического содержания и большое количество исторических песен (свыше двухсот). Характерно, что большую часть его записей составляют исторические песни XVIII — начала XIX в., т. е. произведения фольклора, являющиеся для того времени или недавним прошлым, или современностью. Это полностью опровергает существующее в литературе мнение о том, что Киреевского интересовали песни только допетровской эпохи. В действительности, большая часть записанных им исторических песен — это песни послепетровского времени.

В середине 30-х годов Киреевский уезжает за границу, но, возвратившись оттуда, вновь занимается собиранием песен. Весной 1838 г. он проводит около двух месяцев в имении Языковых под Симбирском и в самом Симбирске, продолжая там свои занятия. Из переписки Языковых становится известно, что это оказывает самое благотворное влияние на окружающих, побуждая и других обратиться к собиранию народных песен⁵.

С конца 30-х и в 40-е годы Киреевский продолжает записывать песни, живя в Москве и в своем имении под Орлом, в Киреевской Слободке. В эти годы его внимание особенно привлекают духовные стихи, которые он предполагает издать. Однако центральное место среди его записей по-прежнему занимают песни, характеризующие жизнь и быт крепостной деревни. Показательны в этом отношении материалы, собранные в Киреевской Слободке (НС № 1971—1980). Среди них выделяются песни Никитушки. Судя по сохранившейся рукописи, их записал, вероятно, сам исполнитель по просьбе

П. В. КИРЕЕВСКИЙ

Портрет маслом работы

Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е годы

Исторический музей, Москва

Портрет определен М. Ю. Барановской

Киреевского⁶. Следует отметить еще одну особенность собирательской деятельности Киреевского — это стремление привлечь к записи песен не только своих знакомых из среды дворянской интеллигенции, но и грамотных крепостных, в особенности дворовых. Так, первые записи песен были сделаны для Киреевского в 1830 г. его дядькой-камердинером Родионом, с которым он жил тогда в Мюнхене⁷. Родион переписал все песни, которые помнил; так же, вероятно, поступали и другие корреспонденты Киреевского из крепостных, в том числе Никитушка. Каких-либо подробных сведений о Никитушке пока не обнаружено, но его песни носят ярко выраженный антикрепостнический характер. Такова, например, песня «Как нынешняя весна» (НС № 1976), где говорится о крестьянах, которые умирают с голоду, потому что бары гонят их на работу и не дают хлеба, антиклерикальные песни и другие. Все эти материалы свидетельствуют о дальнейшем развитии того направления в работе, которое формировалось при участии Пушкина в начале 30-х годов.

Из неопубликованных материалов Киреевского для настоящего тома отобраны образцы записей разных лет, начиная с июля 1831 г. В большинстве своем это произведения народной бытовой лирики, которые систематизированы нами по жанровому признаку: календарно-обрядовые, игровые и т. п. Здесь есть песни, ставшие впоследствии очень популярными, но есть и редкие тексты, например, № 50, 52—54 и др. Заслуживают особенного внимания антиклерикальные и антикрепостнические песни (№ 36—37, 56) и одна из ранних записей песни рабочих (№ 57). Все эти тексты, представляя научную и художественную ценность, характеризуют отношение Киреевского к изучению песенной поэзии народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основную часть этих текстов «с лишком 200, не считая <духовных> стихов», Киреевский записал в дер. Воронки (Письма Киреевского к Языкову, стр. 47).

² С о й м о н о в, стр. 143—153.

³ Н. П. П а в л о в. Русские писатели в нашем крае. Калинин, 1956, стр. 31—34; Письма Киреевского к Языкову, стр. 67—68.

⁴ «Русский архив», 1905, № 2, стр. 146.

⁵ См. настоящ. том, стр. 51—53.

⁶ ЛБ, ф. 125, п. 49, л. 1556.

⁷ С о й м о н о в, стр. 149.

№ 1

ПОДБЛЮДНАЯ

Я поставлю квашонку на донушке,
 Я покрою квашонку алым бархатом,
 Подвяжу я квашонку черным соболём,
 Я поставлю квашонку на печном столбе.
 Ты взойди, моя квашонка, полным-полна,
 Ты полным-полна, со краями ровна.
 Кому же мы спели, тому добро.
 Кому вынется, тому скоро сбудется, не минуется.

М<осковская> меш<анка> З. Д. А.

№ 2

ПОДБЛЮДНАЯ

Я на корыте сижу, корысти жду,
 Я еще посижу, я еще подожду.
 Уж как погода маленько корысть на двор,
 Корысть на двор и со радостью.
 Кому же мы спели, тому добро,
 Кому вынется, тому скоро сбудется, не минуется.

Моск<овская> меш<анка> З. Д. М.

№ 3

ПОДБЛЮДНАЯ

У Спаса в Чигасах за Яузою
 Там живут мужики все богатые,
 Они деньги гребут все лопатою.
 Кому же мы спели, тому добро,
 Кому вынется, тому скоро сбудется, не минуется.

М<осковская> меш<анка> З. Д. М.

№ 4

ПОДБЛЮДНАЯ

Идет кузнец из кузницы.
 — Ты кузнец, ты кузнец!
 И ты скуй мне венец,
 Из остаточков мне золот перстень,
 Из обрезочков мне булабочек.
 Уж и тем-то мне венцом венчатися,
 Уж и тем мне кольцом обручатися,
 Уж и теми булавкам притыкаться.
 Уж кому же мы спели, тому добро.

¹⁰ Кому вынется, скоро сбудется, не минуется.

М<осковская> меш<анка> З. Д. М.
 Из остаточков.

№ 5

ПОДБЛЮДНАЯ

Сидит воробей на перегороде,
 Как глядит воробей на чужую сторону.
 Куда погляжу, туды полечу,
 Кому же спели, тому же добро,
 Кому вынется, скоро сбудется, не минуется.

М<осковская> мещ<анка> З. Д. М.

№ 6

Выходила коляда
 Накануне рождества.
 Жирь, вирь, вирь,
 При (далох) тах, тах!
 При долине рукоцень
 Вино зелененько!
 Окны скачут.
 Причелинья пляшут
 Столы раздвигаются
¹⁰ Печи подвигаются
 Печь, печь!
 Перебор берет.

70-летн<я> стар<ая> моск<овская> мещ<анка>

№ 7

ПОЕТСЯ ПОД ИВАНОВ ДЕНЬ

Еще что кому до нас, когда праздничек у нас!
 Завтра праздничек у нас — Иванов день!
 Уж как все люди капустку заламывали.
 Уж как я ли, молода, в огороде не была.
 Уж как я за кочан, а кочан закричал,
 Уж как я качан ломить, а качан в борозду валить:
 — Хочь бороздушка узенька — уляжемся!
 — Хочь и ночушка маленька — понабаемся!

Новгород, 11 сентября 1834, Акулина

№ 8

Туча с громом сговаривалась:
 — Пойдем, гром, погуляем со мной
 В то село Языково,
 Там живут мужики богатые:
 Деньги сгребают лопатами,
 Меряют пудовиками.
 Девушки там нарядные:
 Носят они всё кумачное,
 Рукава на них всё бумажные,
¹⁰ Ленты всё жемчужные,
 Фаты всё на них коноватные.

№ 9

Скакал чижик-воробей
 Кю Иванову двору.
 — Я Ивана упою, упою!
 И я Марфу уведу, уведу,
 Ивановну, уведу, уведу
 Кю Марине во снохи, во снохи,
 К Григорьевне во снохи,
 Кю Алексею на руки, на руки,
 На долгие на веки, на веки.

Воронки, 1833, Августа 26

№ 10

Не теки, вода, с гор по камушкам,
 С гор по камушкам, по ступенечкам,
 Кто охочь гулять, передайся к нам:
 У нас девушки всё хорошие.
 Хороша девка — то Аннушка,
 Получше есть — то Матренушка,
 Красота им всем — то Оленушка.
 Аннушка тонкопрядюшка,
 А Матренушка — люта ткалюшка,
¹⁰ А Оленушка — шелкошвеюшка.
 Не теки, вода, с гор по камушкам,
 С гор по камушкам, по ступенечкам,
 Кто охочь гулять, передайся к нам:
 У нас молодцы всё хорошие.
 Хорош молодец — то Александрушка,
 Получше его — то Михайлушка,
 Красота им всем — то Иванушка,
 Иванушка Харламович,
 Александрушка стрелять горазд,
²⁰ А Михайлушка-то писать горазд,
 А Иванушка-то читать горазд.

Воронки, 1833, Август 26

№ 11

Слетались голуби, слетались сизые
 На один двор, 2
 Садилась женихи, садилась соколы
 За один стол. 2
 — Выбериай, Федосьюшка, выбериай, Платоновна,
 Кой жених твой,
 Кой вековой.
 — Сидит на окошке <в> сафьянных сапожках —
 Тот жених мой,
¹⁰ Тот вековой.
 Слетались голуби и проч.
 — Выбериай, Дарьюшка, выбериай, Ивановна,
 Кой жених твой,
 Кой вековой.
 — Сидит на березке — Шлёнские волоски —
 Тот жених мой,
 Тот вековой.

Лезет из-под ели, всего вши изъели,
 Сидит на латочке считает платочки,
 Лезет из-под дубу — нет ни одного зубу.
²⁰ Сидит на стакане, грызет таракана,
 Сидит на повете в золотой карете,
 Сидит на оконничке, считает рублевички,
 Сидит на березке, кудрявые волоски.

Воронки, 1833, Август 26

№ 12

ПЕСНЯ ВЕЧЕРИНОЧНАЯ

— Ты хрен, ты мой хрен,
 Садовой, зеленой,
 Уж и кто тебя сажил?
 — Филимон, Селиван,
 Филимонова жена.
 Максим подносил,
 Степан кланялся.
 — Ты, хренушка-братец,
 Об чем же ты плачешь?
¹⁰ — Уж как мне не плакать:
 Жена молодая
 Поехала за дровами,
 Задела за пенёк,
 Простояла весь денёк.

Воронки, 1833, Сентябрь 3

№ 13

ИГРАЛЬНАЯ

Уж я хрен рощу,
 Молодой рощу,
 Молоды коренья
 Выращиваю.
 Поидтить было к бабушке,
 Попросить бы редички.
 Она бабушка добра,
 У ней редичка сладка,
 Пирожки мяконьки,
¹⁰ Кашка масляная,
 Перемасляная.
 — Бабушка, бабушка, дай редички!
 (*бабушка спрашивает:*)
 — Зачем тебе редичка?
 (*отвечают:*)
 — Попадья с печи упала,
 Два кота задавила,
 Да редички запросила.

Одну девушку выбирают в бабушки, она садится на землю и обхватывает столб, к ней на колени садится другая и за нее держится, к этой третья и т. д. А две ходят и поют. После последнего слова песни бабушка говорит: «Ну вот вам, дергайте с конца!» Тогда все ходившие девушки выдернут крайнюю девушку и бросят ее на бабушку. Потом сначала.

Воронки, 1833, сентябрь 13

№ 14

Из лугу, лугу зеленѡва
 Ясѣн сокол вылетает,
 Белую лебедь выкликает:
 — Белая лебедь, выдь за мною.
 — Ясѣн сокѡл, не в чем выйтить.
 — Белая лебедь, чего нету?
 — Ясѣн сокѡл, шубки нету.
 — Лебедь люблю, шубку куплю.

Из лугу, лугу зеленѡва
¹⁰ Ясѣн сокол вылетает,
 Белую лебедь выкликает:
 — Белая лебедь, выдь за мною.
 — Ясѣн сокѡл, не в чем выйтить.
 — Белая лебедь, чего нету?
 — Ясѣн сокѡл, платка нету.
 — Лебедь люблю, платок куплю.

Из лугу, лугу зеленѡва
 Ясѣн сокол вылетает,
 Белую лебедь выкликает:
²⁰ — Белая лебедь, выдь за мною.
 — Ясѣн сокѡл, не в чем выйтить.
 — Белая лебедь, чего нету?
 — Ясѣн сокѡл, серѣг нету.
 — Лебедь люблю, серьги куплю.

Воронки, 31 июля 1833

№ 15

По морю синему
 Плывет лебедь со лебедушкой,
 Со малыми со детушками.
 Где нѣ взялся млад ясѣн сокол,
 Ушиб-расшиб лебедѣну стаю
 И кровь пустил во сырѣ землю,
 Пух пустил по синѣ морю,
 Легкѣ перья по чистѣ полю.
 Собиралися красны девушки
¹⁰ Перья собирать лебедѣныя.
 Где нѣ взялся добрый молодец:
 — Бог помочь вам, красны девушки
 Перья собирать лебедѣныя.
 Все девки поклонилися,
 Одна девушка не кланяется.
 Грозил парень красной девушке:
 — Добро ж ты, красна девица,
 Я тебя за себя возьму!
 Станешь стоять у кроватушки,
²⁰ Станешь ронять горючи слезы.
 — Я думала, что не ты идешь,
 Не ты идешь, не мне кланяешься.

СВЯТОЧНАЯ СУББОТКА

Рисунок А. Шохина (перо), 1843

На полях листа надписи: «Древний обычай жителей города Торонца. Святочная ночная суббота»;
«Песню поют: „Дунай, Дунай, многолетно здравствуй со своей полюбивницей!“»

Исторический музей, Москва

№ 16

В ДОМЕ У НАС ХОРОВОДНАЯ

- Ой, под лесом под тёмным шелкова трава.
 По той траве донской казак погуливает,
 В звончатые гуселюшки поигрывает,
 Выбирает донской казак невесту себе.
 Выходила красна девка, тонка, высока,
 Тонехонька, высоконька, собой хороша.
 Пойти было к суседушкам спросить про нее:
 — Суседушки-голубушки, каков человек?
 Суседушки-голубушки не хвалят ее.
- ¹⁰ — Спасибо вам, суседушки, что не женили вы меня!
 Ой, под лесом под темным шелкóвая трава.
 По той траве донской казак погуливает,
 В звончатые гуселюшки поигрывает,
 Выбирает донской казак невесту себе.
 Выходила красна девка, тонка, высока,
 Тонехонька, высоконька, собой хороша.
 Пойти было к суседушкам спросить про нее:
 — Суседушки-голубушки, каков человек?
 Суседушки-голубушки всхвалили ее.
- ²⁰ — Спасибо вам, суседушки, что женили вы меня,
 Приходите, суседушки, на свадьбу ко мне.
 Пиво варил, вино курил, меды становил.

с. Ильинское, 1832, авг<уста> 4

№ 17

ХОРОВОДНАЯ

- Ох ты, милый друг, научи меня,
 Научи меня, как домой прийти.
 — Ты пойди домой широким двором.
 — Мой широк терем растворён стоит,
 А мой милый друг за столом сидит,
 Гуся рúшает, хлеба кушает,
 Ох ты, хлеб да соль, ты, мой милый друг,
 Хлеба кушати, молода жена.
 Мой высок терём растворяется,
- ¹⁰ А мой милый друг подымается,
 За шелкову плеть принимается.
 Муж жену учил, муж угрюмую,
 Муж угрюмую, нелюбовную.
 Уж и тут я дружку не корилася,
 Свекру-батюшке поклонилася:
 — Свёкор-батюшка, отыми меня
 От постылого, от негодного.
 Свёкор-батюшка велит больно бить,
 Свёкор-батюшка велит слушаться.
- ²⁰ И тут я дружку не корилася,
 Я свекровушке поклонилася:
 — Свекровь-матушка, отыми меня
 От негодного, от постылого.
 Свекровь-матушка велит больно бить,
 Свекровь-матушка велит слушаться

Уж и тут я дружку не корилася,
 Деверьку-братцу поклонилася:
 — Деверёк-братец, отыми меня,
 Отыми меня от негодного,
³⁰ От негодного, от постылого.
 Деверёк-братец велит больно бить,
 Деверёк-братец велит слушаться.
 И тут я дружку не корилася,
 И золовухке поклонилася:
 — Ты, золовушка, отними меня
 От негодного, от постылого.
 Как золовушка сильно сердилась,
 Отняла меня от негодного,
 От негодного, от постылого.

с. Ильинское, 1832, июля 31

№ 18

Вдоль по улице репёнь,
 Вдоль по широкой репёнь,
 Репень стелется-расстиляется,
 Расстиляется, первивается.
 Как по этому репню две сестрицы шли,
 Они шли-прошли, становились,
 Становились, споклонились.
 Что сестра-то сестре стала спрашивать:
 — Каково тебе, сестрица, за старым жить?
¹⁰ — Мне за старым жить, только век дожить:
 Не белиться мне, не румяниться
 И мне черными чернилами не сурмливаться.
 Вдоль по улице репёнь,
 Вдоль по широкой репёнь,
 Репень стелется-расстиляется,
 Расстиляется, первивается.
 Как по этому репню две сестрицы шли.
 Они шли-прошли, становились,
 Становились, поклонились.
²⁰ — Каково тебе, сестрица, за малым жить?
 — Мне за малым жить, только век дожить:
 Не белиться мне, не румяниться
 И мне черными сурмилами не сурмливаться.
 Вдоль по улице репёнь,
 Вдоль по широкой репёнь,
 Репень стелется-расстиляется,
 Расстиляется, первивается.
 Как по этому репню две сестрицы шли,
 Они шли-прошли, становились,
³⁰ Становились, поклонились.
 Что сестра-то сестре стала спрашивать:
 — Каково тебе, сестрица, за ровней жить?
 — Мне за ровней жить только радучи:
 И белиться мне, и румяниться,
 И мне черными сурмилами сурмливаться.

с. Ильинское, 25 июля 1832

№ 19

Двóй кочéта пели,
 Двой двух скрыпели.
 Ко мне к молодéньке
 Весточка приходíла:
 Свекровь умирала.
 Я по сéням ходила
 И лакеев будила:
 — Вы вставайте, вставайте,
 Люди вёрны, лакеи!
¹⁰ Вы велите заложите
 Водовозных кóней.
 Покуда впрягают,
 Набелюсь я, нарумянюсь,
 Цвётно платьё надену.
 Сколь я не мешкала,
 Я живу свекровь застала,
 В головах настоялась,
 В ногах насиделась,
 Во глаза нагляделась.
²⁰ — Люта́я свекровка,
 Ты чем подавилась?
 Киселем подавилась,
 Молоком захлебнулась.
 Двое кочета пели и т. д.
 Матушка умирала.
 Я по сéням ходила,
 Я лакеев будила:
 — Вставайте, вставайте,
 Слуги вёрны лакеи!
 Велите впрягать
³⁰ Вороных коней пару.
 Покуда впрягают,
 Среди я путí буду.
 Я сколь ни спешила,
 Матушку не застала,
 В головах не сидела,
 Во ногах не стояла,
 Во глаза не глядела.

№ 20

На горе сосна расшаталася,
 Я давно с милым не видалася,
 Я увиделась — взрадовалася.
 Мой-ат миленький он горазд-то был,
 Он горазд-та был корабли снастить.
 Корабли снастил, сам на них поплыл
 Ко тому селу ко Архангельску,
 Ко той ко деревне ко Ивановской.
 Что в Ивановском мужики живут,
¹⁰ Мужики живут небогатые,
 Мужики живут, бобыли слынут.
 Там старушеньки — все барушеньки.
 А молодушки — как воронушки,

ВЕЧЕРИНА У ЖЕНИХА

Рисунок А. Шохина (перо), 1843

На полях листа надписи: «Торощецкого уезда брачная вечерина в жениха; крестьянская»; «Дружка. Колдун пирогом колотит и песню поют: „Пошли нам, боженька, боже, свадьбу сыграть!“»

Исторический музей, Москва

Красны девушки — ротозеюшки.
 На горе сосна расшаталася, *и проч.*
 Во тое деревню в Воронковскую
 В Воронках-та мужички живутъ,
 Мужички живут все богатые,
 А старушеньки — говорушеньки,
²⁰ А молодушки — бел-лебедушки,
 Красны девушки — шелкошвеюшки.
 Добры молодцы — всё извозчики.

Воронки, 1833. Август 26

№ 21

У голубя, у голубя золотая голова,
 У голубки, у голубки позолоченая,
 Чёрным шелком, чёрным шелком перестроченная
 Алой лентой, алой лентой перевязанная,
 Булавочкой, булавочкой прибураленная.
 Дивовался, дивовался уж и Петр господин,
 Уж и Петр господин, Петрович свет:
 — Уж и взять ли, не взять ли Авдотьюшку,
 Уж и взять ли, не взять ли Ивановну?
¹⁰ Я бы летом, я бы летом во колясочке катал,
 Я зимою, я зимою я на лаковых санях,
 Я на лаковых санях, на ямских лошадях.
 Приударьте-ка, ребята, по ямским лошадям,
 Чтоб шибче шли да Авдотьюшку везли,
 Да Авдотьюшку везли, да Ивановну везли.

Воронки, 1833. Август 26

№ 22

— Научить ли тя, Ванюша,
 Как ко мне ходить?
 Ты не улицей ходи,
 Не широкою гуляй —
 Переулочками;
 Не в калиточку скрипи —
 В подворотенку;
 Ты не голосом кричи —
 Соловьём свищи;
¹⁰ Чтобы я, красна девица,
 Догадалася:
 Со пиру бы, из беседы
 Подымалася.
 Скажу батюшке:
 — Голова болит!
 Скажу матушке,
 Что я вся больна.
 Я подруженькам скажу:
 — Я гулять пойду.
²⁰ Ко милу дружку прийду
 Здравехонька,
 Веселехонька.

В(оронки), 21 июня

№ 23

ХОРОВОДНАЯ

Возле речки Москва-речки,
 Возле тихого Дунаю
 Добрый мблodeц гуляет;
 Ничего девкам не скажет,
 Только шляпою махаёт:
 — Догадайся, догадайся,
 Моя прежняя подружка,
 Семёонова дочúшка.
 Сама замуж захотела
 За Ефимова Трофима.
¹⁰ Уж Ефимов-то Трофим
 Горазд пб-лесу гуляти.
 Перепелычек ловити.
 Уж поймал он перепелку
 Со руками, со ногами,
 Со буйною головою,
 Со русбю со косою,
 Со девíчьей красотою.

Воронки, 31 июля 1833

№ 24

Не беги, не беги,
 Красна девица душа!
 Естьли ты меня полюбишь,
 Будешь счастливая:
 Полюблю тебя душой,
 Наделю тебя казной.
 Кáжну нбченьку с обновкой
 Буду, милая, ходить:
 Я персидскими тафтáм,
¹⁰ Я немецкими парчáм,
 Я турецкими шалáми
 Буду милую дарить.
 На гулянье, на пиры
 Буду милую водить,
 Пляски-танцы и музýки
 Будут радость веселить.
 Красны мебели, кровати
 На коврах будут стоять,
 И на бархатной перине
²⁰ Будешь, радость, почивать,
 Тут к тебе я прилечу,
 Тут тебя я обниму,
 Тут тебя я расцелую,
 Свою радость дорожую.
 Сидит птица, сидит птица,
 Сидит птица на дубу,
 Кричит: «мать», кричит «мать»,
 Кричит: «Мать твою люблю!»
 А под дубом молодёнька
³⁰ Красна девица сидит.
 Потихоньку-полегоньку

Приближался молодец.
 Увидела испужалась,
 Побежала от егѳ.
 Я за нею, — побежала
 К суседке молодой,
 Я достиг — она упала
 Эдин <?> под пол головой.

№ 25

Денечик проходит,
 Вечер наступает,
 Заря потухает.
 Мой милый гуляет,
 За мной присылает,
 И сам приезжает,
 С коня не слезает,
 Меня вызывает.
 Я ли, молоденька,
 10 Была торовата,
 На звук выходила,
 С милым говорила,
 Про ево здоровье
 Всѳ я распросила,
 Про свое несчастье
 Ему рассказала:
 — Не велят ходити,
 С тобой говорити,
 С тобой говорити,
 20 Тебя любити.
 Всплеснул мил руками,
 Залился слезами:
 — Какой я несчастный
 На свете родился,
 В несчастну влюбился.

№ 26

На коня парень садится,
 Девка шляпу подает,
 Калина моя!
 Малина моя!
 Девка шляпу падает,
 Все наказывает:
 Калина *и пр.*
 — Ты поедешь во деревню
 Не заглядывайся!
 10 Калина *и пр.*
 На хороших, на пригожих,
 Не засматривайся!
 Калина *и пр.*
 Что хорошие, пригожи
 Тебя высушили.
 Калина *и пр.*
 Тебя высушили,
 Меня сокрушили.
 Калина *и пр.*

- 20 На дворе-то черна грязь —
 Стары бабы у нас.
 Калина и пр.
 В огороде-то капуста —
 То молодухи у нас.
 Душа аленький цветочик —
 Красны девушки у нас.
 А гнилая-то солома —
 Удалые молодцы.
 На гнилую-то солому
- 30 Да и честь пришла:
 Что гнилая-то солома
 Нынче женится,
 Душа аленький цветочик
 За него замуж идет.
 Что гнилая-то солома
 На кроватке лежит,
 Душа аленький цветочик
 У кровати стоит.
 Как гнилая-то солома
- 40 Поворотится,
 Душа аленький цветочик
 Поклонится:
 — Государь, прости,
 На кровать пусти!
 — Я тогда пуцу, 2
 Когда плеть сыщу,
 Шкуры две спущу.
 — Хоть и три спусти,
 На кровать пусти.

Воронки, 17 июля 1833

№ 27

- Сиз голубчик, душа мой
 Молодчик молодой!
 Жаль расстаться мне с тобой,
 Жаль расстаться, распрощаться.
 Мил, навеки от тебя
 Уйду в темные леса;
 Уйду в темны, во дремучи,
 Где мой миленький гулял,
 Где приятно целовал,
- 10 Разлапушкой называл:
 — Разлапушка, девушка,
 Белая лебёдушка,
 Тошнехонько без тебя!
 Растерзаю грусть-оску,
 Во зеленый сад пойду,
 Со травы цветов нарву,
 Венок мил му навью,
 Венок милому навью,
 На головку положу.

17 июля, Алёна, из Петровскаго 1831

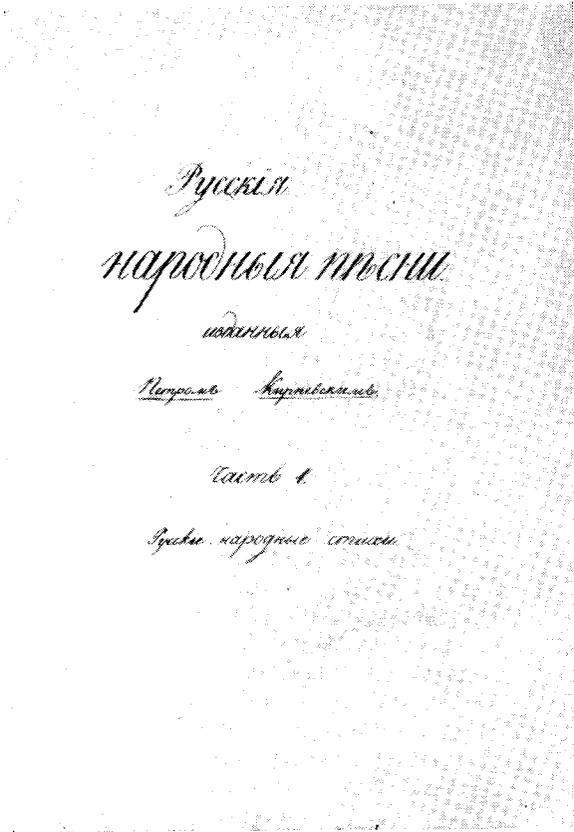
№ 28

- Чернобровый, черноглазый, молодец душа хороший!
 Вложил мысли в мое сердце — не могу забыть!
 Не могу дружка забыть, стану-буду говорить.
 Пресчастливая дорожка, куда миленький задумал!
 Как задумал, моя радость, в иной дальний городочик,
 В иной дальний городочик, в славный Бронницкий ямочик,
 В славный Бронницкий ямочик, на почтовый на дворочик.
 Что на этом на дворочке детал сизый голубочик,
 Он летает и воркует, голубушку ищет:
- ¹⁰ — Ох вы, сваты, бронницы ребята, не видали ль голубки?
 Что моя сизая голубка всем добрым людям приметна:
 Через пёрушки рябеньки, со головушки гладенька,
 Со головушки гладенька, с ясных очей веселенька!
 Полетела моя голубка что на синее на море,
 Что садилася моя голубка на горячий белый камень,
 Умывалася сизая голубка славной невской водой,
 Утиралася сизая голубка своей русою косою.
 Полетела сизая голубка зеленый в садочик,
 Что садилася сизая голубка на частую на рябину.
- ²⁰ Стой, рябинушка, не шатайся! Стой, девушка, не печалься!
 Если будет тебе скучно, пиши ко мне письма.
 Я писать-то, девушка, не умела, вора-писаря не смела,
 Хоть и писаря я смела, родного батюшки боюся,
 Родного батюшки боюся, родной матушки стыжуся.

Новгород, 10 сент<ября> 1834, Фёкла

№ 29

- Грушица, грушица моя,
 Грушица зелена садова,
 Что ты не рано расцвела?
 Или на тя дождичка не шло,
 Или морозы убили,
 Или студеная зима?
 Под грушею светлица стоит,
 Во светлице дёвица сидит,
 Во слезах она речи говорит:
- ¹⁰ — Сядь, сонце, за лес, не свети,
 Полно глаза мои печё,
 Полно ли из глаз слезам течё.
 Сб горя с кручины молода
 Пойду в зеленый сад гулять,
 Нарву я со травоньки цветов,
 Совью на головушку венок,
 Другой на правую руку,
 Пойду с ним на речку, на рекú,
 Стану я на крутом берегú,
- ²⁰ Брошу веночик на воду.
 Тонет ли не тонет ли венок,
 Помнит ли не помнит ли дружок.
 Вижу, мой веночик потонул,
 Знать, меня милый помянул,
 Знать, что я милому мила
 Знать, я на свете дорога!

СБОРНИК ПЕСЕН, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ К ПЕЧАТИ П. В. КИРЕЕВСКИМ

Рукописная копия из архива Языковых, 1845

Титульный лист

«Дворец книги», г. Ульяновск

№ 30

Ой молодость, молодость, девичья красота,

Ой люли, ой люли.

Чем мне тебя, молодость, при старости вспомнать?

Вспомнать тебя, молодость, тоскою-кручиною,

Тоскою-кручиною, печалью великою.

Пойду, млада, по воду с ушатами-ведрами,

С ушатами-ведрами, с дубовыми веслами.

Ведро пуцу под гору, сама взойду на гору,

Сама взойду на гору, раскинуся яблонью,

¹⁰ Яблонью кудрявою да грушей зеленою.

Тут ехали господá семидесять городá,

Срубили ту яблоньку по сам был корешок;

Тесали из яблоньки доски тонки, долги,

Делали из яблоньки гусли, гусли звонки.

Кому в гусли поиграть, под гусли поплясать?

Играть было молодцу, плясать было девице.

№ 31

Сватался вор Яшка
 Семь лет по Устинья,
 Наряжался вор Яшка
 Во девичье платье,
 Выходил же вор Яшка
 На улицу гуляти,
 В хороводе плясати,
 — Вы, девушки-подружки,
 Сходите за Устиньей.
¹⁰ На ту пору Устинья
 Скорехонько соряжалась,
 На улицу выходила,
 В короводе плясала.
 Схватил же вор Яшка
 За русую косу.
 — Ты, девушка Устинья,
 Пойдешь ли за меня замуж?
 — Либо пойду, либо нету,
 Либо я постригуся.
²⁰ Вы, девушки-подружки,
 Скажите моей мати,
 Искала бы меня мати
 Во Марьиной роще
 Под красной под сосной.
 Я кровью венчалась,
 Ножом обручалась.

№ 32

ПРОТЯЖНАЯ

Пойду в полюшко гулять,
 Чёрну быльиньку заламывать,
 Я серых гусей заганивать:
 — Того, гуси, того, гуси, того, серые,
 Уж и вы ль, гуси, наплавались,
 Я, на вас глядя, наплакалася.
 Погоню ли я гусей на росу,
 Мне навстречу офицер молодой.
 — Офицер, офицер молодой,
¹⁰ Не хватай меня за белое лицо:
 Мое личико разгаристо,
 Разгорится, не уймется,
 Прийду домой, догадаются,
 С чего лицо разгорается:
 Либо с винца, либо с полпивца,
 Либо с сладких пряничков,
 С орешков, одних ядрушков.

Прибавляют: «Сладка водочка анисовая, у меня <1 нрзбр.> расписанная».
 с. Ильинское, 1832, 25 июля

№ 33

Я по лугу похаживала,
 Гусей-лебедей заманивала:
 — Того, гуси, того, серые, домой

Вы, чать, гуси, наплавались,
 А я, хóдючи, наплакалася.
 Живучи я на чужой стороне
 У чужова отца-матери,
 Изжила я свово милого дружка,
 Нажила я себе мужа-дурака.
¹⁰ Ах, он матушка, дурак, совсем дурак,
 Сударыня, дурацкий сын,
 От дурачества в солдаты он пошел,
 С половины пути письмоцо прислал,
 Во письме прислал червонец золотой:
 — Ах ты, душечка, жена молода,
 Заплати, жена, долги за меня,
 На остаток сладкой водочки купи,
 Созови ты всех друзей, братьев моих,
 Всех друзей, братьев, товарищев,
²⁰ Напой их пьяна дóпьяна.
 Помяни ты меня, мужа-дурака.

№ 34

Ах ты, матушка родимая,
 Начто нá горе родила,
 Зачем, глупого, женила?
 Жена шельма невзлюбила,
 Со кроватушки столкнула.
 Я пойду пожить на Волгу
 На легкую на работу,
 На легкую на работу,
 На легкую струговую.
¹⁰ Куплю рыбий гребешечик,
 Сяду я под окошко,
 Стану голову чесати,
 Я оческу клал на окошко,
 Со восточной сторонки
 Подымались буйны ветры,
 Уносили русы кудри
 Вниз по матушке по Волге.
 Выходила молодица
 С новым кубом по водицу,
²⁰ Размахнула, почерпнула,
 Русы кудри зачерпнула,
 Зачерпнумши, говорила:
 — Эти ли кудерцы
 За одним столом сидели,
 Под одним венцом стояли,
 Закон божий принимали?

№ 35

Девка пó двору ходила,
 Рукавом девка махала,
 О, о оохо оохо и т. д.
 К себе милого ждала
 Не простóго, холостóго,

Казаченьку молодого,
 Что майора полевого.
 Майор по торгу гулял,
 Закупочки закупал,
¹⁰ Пистолеты заряжал,
 За Неву-реку стрелял
 В мужика-то бобыля
 Ни скота нет, ни двора,
 Ни живота, ни кола,
 Один серенький коток,
 На нем аленький платок.
 Как повадился коток
 Во слободку на краёк,
 Ко барыне, ко вдове,
²⁰ Ко сержан(т)ской жене.
 Увидали-то кота
 Два сержанта из окна,
 Они хлопнули окном,
 Побежали за котом,
 — Ох ты, котинька-коток,
 Котик, серенький хвосток,
 Полна, котинька, ходить,
 Полна, серенький, дурить.
 — Таки буду дурить.
³⁰ Таки стану ходить,
 Таки буду дурить.
 — Потерять тебе, коток,
 С шейки аленький платок.
 — Таки буду ходить,
 Буду только шалить.

Воропки, 1833, сентября 2

№ 36

Против солнца на восходе
 Монастырь в роще стоял.
 В тем монастыре мала келейка,
 Во келейке монашенко спасается,
 По утрам он каждый день напивается.
 Как в колкол зазвонят, а чернец пройдет в кабак
 Чернец рясу пропивает,
 Коблук в заклад дает.
 Целовальник не берет,
¹⁰ Целовальник не примаёт,
 Чернеца в шею толкает:
 — Поди вон ты, кавалер,
 Казначей пить не велел,
 Поди в келейку, пора,
 Запрут скоро ворота.
 — Чем мне в келейку идти,
 Лучше в рощицу зайти.
 Девки в роще грибы брали,
 Чернеца в глаз не видали,
²⁰ Доходили до конца, увидали чернеца.
 Стоит чернец на тропе

Во высоким коблукѣ,
 Дѣвки песенку запели,
 Чернецу плясать велели.
 Стал же наш чернѣченько похаживати,
 С ноги на ногу, молѡденъкій, попрядывати,
 Про свое житьѣ монашенско рассказывати.
 Не живи в свете — тошнее молодому в старцахъ быть,
 Не велятъ мне, молодому, во царев кабакъ ходить,
 3с Зеленеѡе вино пить, красныхъ девушекъ любить.

№ 37

Во лугахъ, лугахъ, лугахъ, во зелѣнныхъ лугахъ
 Там ходила, там гуляла телка беленькая,
 Телка беленькая, вымя черненькое.
 Какъ увидѣл эту телку игумен из окна,
 Посылаетъ, снаряжаетъ своѡ рыжего дьячка:
 Ты поди, моя слуга, приведи телку сюда,
 Не хватай за бока, не попорть молока.
 К молоку телка добра, к маслу выгодна,
 Ухвати за рога, приведи телку сюда.
 10 Эта телочка по келейке похаживаетъ,
 А игумен-ат на телочку поглядываетъ.
 Посажу телку — сидитъ, положу телку — лежитъ,
 Положу телку — лежитъ, у ней вымечко дрожитъ,
 Ножки кѡрчатся, глазки мѡрщатся.
 Скину, скину каблучокъ, подвалюся под бочокъ.

Воронки, 7 авг<уста> 1833

№ 38

Стенька Чувашенин по лесу гулял
 Ай, ай, ай, ай,
 Залым, залым,
 Залым тухталым.
 По лесу гулял, лубочки сымал
 Ай, ай — и проч.
 Лубочки сымал, сани загибал,
 Сани загибал, муки насыпал,
 Муки насыпал, на базар тащил,
 10 На базар тащил, муки продавал,
 Муки продавал, много деньга брал,
 Много деньга брал, в мешокъ деньга клал,
 В мешокъ деньга клал, некто деньга крал.
 Приехал домой, бачкам-то сказал.
 Бачкам-то плачетъ, мачкам-то скажетъ,
 Мачкам-то плачетъ, жѣнкам-то скажетъ,
 Жѣнкам-то плачетъ, робѣнкам скажетъ,
 Робѣнкам плачетъ, калача проситъ.
 Кабы деньга былъ, калач бы купилъ.

№ 39

Что у нас в поле за пыль пылит,
 Пыль пылит и война стоит?
 Там огни горят, русских полонят.
 Доставалась теща зятюшке.
 Он привел тещу к широку́ двору́:
 — Ты встречай, жена, встречай, барыня,
 Я привел тебе бабу старую,
 Бабу старую, полонённую.
 Ты заставь ее трех дел делати:
¹⁰ Рученьками бел кудель прясти,
 Глазеньками гусей пасти,
 Ноженьками дитя качать.
 Качает дитя, прибаюкивает:
 — Ты баю-баю, дитя милое,
 Ты по батюшке роду турецкого,
 А по матушке роду русского.
 Твоя-то мать моя дочь родна,
 Полонили ее девяти годов,
 Девяти годов по десятому.
²⁰ Услыхали ее няньки-мамушки,
 Прибежали они к своей барыне:
 — Ах ты, барыня, наша сударыня,
 Что говорит баба старая.
 Качает дитя прибаюкивает:
 «Ты баю-баю, дитя милое,
 Ты по батюшке роду турецкого,
 Ты по матушке роду русского.
 Твоя-то мать моя дочь родна,
 Полонили ее девяти годов,
³⁰ Девяти годов по десятому».
 — Государыня моя, матушка!
 Вот тебе золоты ключи,
 Отпирай кованы ларцы,
 Ты бери казны сколько надобно,
 Ты поди, мати, в святую Русь.

№ 40

Не шуми, мати зелена дубровушка,
 Не мешай мне, молодчику, думу думати!
 Заутра мне, молодчику, допрос будет:
 Государь-ат меня батюшка будет спрашивать,
 Из уму меня, молодчика, все будет выпытывать:
 — Ты скажи, скажи, удаленький добрый молодец,
 И ты где же воровал, ты куда добро девал?
 — Воровал-то я на Троицкой на дороженьке,
 А притон я держал в роце Марьиной,
¹⁰ Добро-то я носил к красной девице.
 — Уж и где эта красная девица?
 — Уж и этой красной девицы давно в живе нет.
 — Много ли вас было товарищей?
 — Товарищей было нас семеро:
 Первый-ат товарищ — ночка темная,
 Другой-ат товарищ был конь-добра лошадь,

«РУССКАЯ ПЕСНЯ»

Лубок (гравюра на меди). Москва, 1851

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Третий-ат товарищ был пистолет с ружьем,
 Четвертый товарищ был булатный нож,
 Пятый-ат товарищ был дубинушка толстая,
 20 Шестой-ат товарищ был сабля вострая,
 Седьмой-ат товарищ был сам я, молодец.
 — Горазд ты, детинушка, воровать,
 Горазд ты, детинушка, и ответ держать.

Воронки, авг<уст> 1833

№ 41

Как по Питерской по дороженьке
 Пишет миленький ко мне грамотку,
 Ко мне грамотку, весть нерадостну:
 — Не сиди, Дуняша, поздно вечером,
 Поздно вечером под окошечком,
 Ты не жги, не жги свечи сальныя,
 Свечи сальныя воску ярого.
 Ты не жди в гости дорога гостя,
 Дорога гостя, дружка милого.

- ¹⁰ Я не гость прийду, не гоститель твой,
 Я пришел к тебе, Дунюшка, спроситися,
 Твоей милости доложитися,
 Ты позволишь ли мне женитися?
 — Ты женись-женись, разбессовестный,
 Ты возьми-возьми соседку свою,
 Соседку свою, подружку мою,
 Подружку мою задушевную.
 — Мне подружку взять, будешь гнев держать
 Уж мне взять ли не взять ли самоё тебя,
²⁰ Самоё тебя, Дуню милую.

Воронки, 29 июля 1833 г.

№ 42

- Уж как строил мне батюшка высок терём
 Со серебряными переходами,
 Что с теми с залачёнными,
 А лиха-злая мачеха
 Она строит мне келью новую
 Из того лесу кленового.
 Уж шьет же мне батюшка
 Под венец платье цветное,
 А лиха-злая мачеха
¹⁰ Шьет мне платье черное.
 Уж как льет же мне батюшка
 Золот перстень с бралиантами, —
 Уж как тем перстнем обручатися.
 А лиха-злая мачеха
 Она льет вострыя ножницы, —
 Уж мне теми ножницами постригатися.
 Уж поехал-то мой батюшка
 За молодым за князевичем,
 А лиха-злая мачеха
²⁰ За старой за игуменьей.
 Уж я ль, красна девушка,
 Я пойду разгуляюся
 По тем полям по чистым,
 По лугам по зеленым,
 По лесам по дремучим.
 А я по лесу хожу,
 Тень мне алеется,
 А я по полю хожу,
 Тень мне всё белеется,
³⁰ А по лугам-то я хожу,
 Тень мне всё чернеется.
 Уж, знать же, мне, девушке,
 Постриженой быть,
 Посхимницей слыть.
 Уж пойду ли я, красна девушка,
 Во свой нов высок терём,
 Погляжу я в окошечко
 Уж на тоё дорогу широкую:
 Нейдет ли мой батюшка
⁴⁰ С молодым со князевичем?
 Уж нету, нету мово батюшки

А уж идет злая мачеха
 Со старой со игуменьей:
 — Ты, дитё ль мое, дитятко!
 Ты дитё ль мое, чадо милое!
 Ты садись на золотой стул,
 На золотой стул постригатися,
 — Государыня родная матушка!
 Уж ты дай же мне, матушка,
⁵⁰ Белильцы смыть,
 Белильцы смыть,
 Румяньчики стереть.
 — Смоешь, мое дитятко,
 Горючми слезми,
 Сотрешь румяницу
 Черной рясой своей.
 — Матушка родная!
 Дай с подружками прощусь.
 — Простись, мое дитятко,
⁶⁰ Заочно с ними.—
 Мимо моей келийки
 Дорожка лежит,
 По той по дороженьке
 Батюшка шел
 С молодым со князевичем.
 Становились они,
 На мою келью любовались:
 — Чтой-то за кельинка новехонька?
 Чтой-то пострижена старочка молодехонька?
⁷⁰ Не мое ли это дитятко,
 Не мое ли чадо милое?
 — Батюшко родной!
 Зайди в келийку ко мне к одной,
 Молодого-то князя по дорожке домой.

70-лет<няя> стар<ая> моск<овская> мещ<анка>

№ 43

Вянет-вянет в поле травка,
 Засыхает корешок,
 Что завяла и заблѣкла,
 Да не может отдохнуть;
 Когда дождичком помочит,
 Вся травушка отдохнѣт.
 Было время совыканья,
 Когда мил меня ласкал,
 А нонеча перменилося:
¹⁰ Он не мыслит обо мне.
 Сколько вздохов я вздыхала,
 Мой миленький не слышал!
 Сколько слез я проливала,
 Мой миленький не видал!
 Пойду с горя в лес дремучий,
 Разгуляюсь, молода.
 Ничего в лесу не видно,
 Ничего и не слышать,
 Только видно было, слышно

²⁰ Одно стадо лебедей;
 Все лебедушки попарно,
 А мне, молодой, пары нет!
 Я по садику гуляла,
 Злы коренья копала,
 Накопавши злых кореньев,
 На Дунай-реку пошла;
 И я мыла злы коренья
 Бело-набело я их,
 Я сушила злы коренья,
³⁰ Сухо-насухо я их,
 Я молола злы коренья
 Мелко-намелко я их,
 Я варила злы коренья
 В меду, в патоке я их.
 Наварёмши злых кореньев,
 За милым дружкой пошла;
 Я сажала размилова
 За дубовый стол его,
 Подносила я милому
⁴⁰ Стакан патоки ему;
 Поднесёмши я милому,
 Стала спрашивать его:
 — Ты скажи, скажи, любезный,
 Что на сердце на твоём?
 — На моем ли на сердечке
 Словно камышек лежит!
 Ты умела, размилая,
 К себе в гости залучить,
 Ты умела, размилая,
⁵⁰ Сладким медом напоить,
 Ты умей, моя милая,
 Тело бело схоронить!
 Схорони, моя милая,
 Промеж трёх больших дорог:
 Промеж Киевской, Московской,
 Промеж Питерской большой.—
 Как по Питерской дорожке
 Мово милого несут.

Воронки, 21 июля

№ 44

Хорошо тому на свете жить,
 У кого нету стыда в глазах,
 Нет стыда в глазах, ни совести:
 Нет у мблодца заботушки,
 В ретивом сердце зазнобушки!
 Зазнобил меня любезный друг,
 Зазнобил, сердце повысушил;
 Без краснбва солнца высушил,
 Без морозу сердце вызнобил.
¹⁰ Я сама дружка повысушу!
 Не зельями, не кореньями,
 Без морозу сердце вызноблю,
 Без краснбва солнца высушу,

КАЛУЖСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Портрет работы художника-самоучки Щелачилина (масло), 1843
Литературный музей, Москва

На обороте надпись: «Картина сия, изображающая крестьянина, масляными красками рисована с натуры государственным крестьянином (...) Щелачилиным без малейшего постороннего указания (...) под наблюдением членов Совета калужской гимназии, в чем члены оного совета подписом ему свидетельствуют, Декабря (...) 1843 года». Далее следуют подписи попечителя гимназии, инспектора и преподавателей

Схороню тебя, мой миленький,
В зеленом саду под грушею;
Я сама сяду, послушаю,
Не стонет ли мать-сыра земля,
Не раскрывается гробовá доска,
Не встает ли мой сердечный друг.
²⁰ Зарости, моя могилушка,
Ты травушкой, муравушкой!
Не доставайся, мой любезный друг,
Ни девушкам, ни молодушкам,
Ни своей курве-полюбовнице!
Ты достанься, мой любезный друг,
Сырой земле, гробовóй доске.

Воронки, 1833, августа 10

№ 45

Голубчик, голубчик, голубь сизенький,
 Голубь сизенький, сизокрыленький!
 Что ты, голубчик, не весел сидишь,
 Не весел сидишь и не радостен?
 — Чему веселиться-радоваться?
 Вечор у меня голубка была,
 Голубка была, со мной сидела,
 Крылом обняла, другим прижала.
 Поутру я слышу, голубушки нет,
¹⁰ Убита лежит, подстреленная.
 Убил-застрелил купеческий сын:
 Охотничек был, с ружьем ходил,
 Ружьице нажал <?>, — в голубку попал
 Под право крыло в сердце реживо.
 — Молодчик, молодчик молоденький!
 Что ты, молодчик, не весел сидишь?
 — Чему веселиться-радоваться?
 Вечор у меня Машенька была,
 Со мной сидела, рукой обняла,
²⁰ Рукой обняла, другой прижала.
 Поутру я слышу: помолвлена,
 Помолвлена и замуж идет.
 Не то мне досадно, что замуж идет,
 А то мне досадно — товарищ берет.
 Поблизу живет он, двор обо двор,
 Он двор обо двор, забор об забор,
 Забор об забор, калитка на двор.

№ 46

И я батюшке говорила,
 Света свою как просила:
 — Не отдавай меня, батюшка, замуж,
 Ты не льстись, государь, на богатство,
 Не с богатством мне жить — с человеком,
 Не с высокими хоромами — с советом.
 Богатство у свекора в сусеке,
 Золотая казна в кабинете.
 Придет моя лада добою,
¹⁰ Она велит себя разувати.
 Я за сапог, а он в щеку,
 Я за другой, а он в другую.
 Отвернусь, молода, сама плачу:
 — Никак-то, каналья взбесился,
 Что на мне, молоденьке, женился.

№ 47

Ох вы, кумушки-голубушки, подружки мои
 Вы которому святителю молилися,
 Что у вас-то мужья молодые?
 У меня ли, у младеньки, старичище.
 Не пущает старичище на игрище.
 Я уходом от старого уходила,
 Под полою цветно платье уносила.

- У суседа во беседе снарядилась.
 Я немножко-маленько поиграла,
 10 И я с вечера до бела дня прогуляла.
 Я не знаю, как старому появиться,
 Подхожу я ко широкому подворью,
 И я стук-стук под окошко,
 И я бряк-бряк во колечко.
 Что не лютые медведи заревели,
 Не борзые кобели заскучали,
 Уж и лезет старичище со печищи,
 За собой тащит большу плетищу.
 И я старому мужу взмолилась:
 20 — Государь, старый муж, виновата,
 И я впредь такова, сударь, не буду,
 Я опять пойду гулять, к тебе, сударь, не буду.

Воронки, 31 июля 1833

№ 48

- Я сижу, молода, возле реченьки,
 Меня реченька утошить хочет.
 Я сижу, молода, возле польмя,
 Меня польмя обжечь хочет.
 Я сижу, молода, возле милого,
 Меня миленький журит-бранит.
 Он журит-бранит и прибить хочет:
 — Постригись ты, моя немилая!
 Постригись, моя постылая!
 10 На постриженье тебе дам сто рублей,
 На посхимене — тысячу.
 Я сострою тебе келью новую,
 И я вырублю в келье три окошечка:
 Уж как первое окошко во божью церковь,
 А другое окошко во зелен ли сад,
 А третье окошко на синё море.
 Уж я в первое окошко погляжу, богу помолюсь,
 А <в> другое погляжу, сердце взвеселю,
 А в третье погляжу, слезами зальюсь.
 20 Уж не мне, молодой, спасатися,
 Уж не молодой душу спасти.

70-лет<няя> стар<ая> моск<овская> мещ<анка>

№ 49

- Знать, меня матушка в горе носила.
 В горе носила, несча́стну роди́ла.
 Отдала матушка не за милóва,
 Не за милова, за посты́лова.
 Хотела матушка часто езжати,
 Часто езжати, подóлгу гостити.
 Лето проходит, матушки нету,
 Друго проходит, сударыни нету,
 Третье настало — матушка едет.
 10 Встречу я матушку сэреди поля.
 Сэреди поля, сэреди чистóва.
 Тут меня матушка не узнава́ла
 — Что это за баба, что за старуха?—

КРЕСТЬЯНКА

Рисунок А. А. Попова (карандаш), ноябрь 1860 г.
Третьяковская галерея, Москва

Подойду ближе, поклонюсь ниже:
— Я не баба, я не старуха,
Я твоя, матушка, милая дочка!
— Ах, мое дитятко, ах, мое мило!
Куды девалося белое тело?
Куды пропали алые румяны?
20 — Белое тело на шелковой плети!
Плетка свис<т>нет, слезы-то брызнут,
Слезы-то брызнут, румяна-то смоют.

№ 50

Ахти, горе привязалось,
Привязалось горе к красной дѣвице.
Нигде от горя мне уходу нет,
Уходу нет, ухотоны <?> нет.
Я от горя во темны лесѣ,
А горе со мной с топором идет:

— Я темны леса повырублю,
 Красну девицу на Русь выведу.
 Ахти, горе привязалось,
 10 Я от горя во камыш-траву́,
 Горе за мной со косой́ идет:
 — Я камыш-траву всеё выкошу,
 Красну девицу на Русь выведу.
 Ахти, горе привязалось,
 Я от горя в быстру́ реку́,
 А горе за мной со ведром идет:
 — Я быстру реку всю высушу,
 Красну девицу на Русь выведу.
 Ахти, горе привязалось,
 20 Я от горя во сыру́ зёмлю,
 А горе за мной со лопатою.
 Зарымши, горе насмеялся:
 — Исполать тебе, красна девица,
 Как умела ты горе мыкати.

№ 51

Пошли дёвицы во лúзь гуляти,
 Калину ломати, малину щипати.
 Все девушки ягод набралися,
 Одна девушка в лесу заплуталася.
 Наехал на девицу Иван-дворянин.
 — Стой, девица, ты стой, красная!
 — Хочу я стою, хочу я не стою.
 — Скажи, девица, какова ты роду.
 — Хочу я скажу, хочу я не скажу.
 10 Я, сударь, роду Сокольникова,
 Было у батюшки девять сыновей,
 Я, красна девица, десятая дочь,
 Четыре брата государю служат,
 Еще четыре во послах посланы,
 Девятый брат соколóm во поле.
 Вскочил молодец схватил девицу:
 — Ах, бог суди батюшку с матушкой,
 Пуцают девицу единую в лес.
 Не я бы наехал, а мой товарищ,
 20 Мой товарищ, лихой злой татарин.

№ 52

Как на горке, на горе
 Стоял новой кабачок.
 Во том новом кабаке
 Пьет голой-ат горелку.
 Богатые дивуют:
 На что голой пирует?
 — Не дивуйте, богачи,
 Я свои деньги плачу.
 Поверь, поверь, шинкарушка,
 10 Поверь пива и вина,
 Поверь вина на меру,
 Пиши гроши на стену.

Когда стенку размелёшь,
 Тогда грошики сберешь.
 — Ах ты, милой мой пан,
 Скидывай с себя жупан.
 — Ах, на што тебе жупан?
 У меня есть грошей жбан.
 — Когда у тебя есть грошей жбан,
²⁰ Возьми дочку за себя,
 Возьми дочку, наймочку,
 Прекрасную дамочку.
 Во субботу взмолвили,
 В воскресенье взвенчали.
 Как ехали до венца,
 Не молвили ни словца.
 Приехали от венца,
 Стали они пить, гулять,
 По имени ее называть.
³⁰ — Скажи, скажи милой пан,
 Как по имени зовут?
 — Из мещан я мещанин,
 По прозванью Карпов сын.
 — Скажи, скажи мила панья,
 Как по имени зовут?
 — Зовут меня Катерина,
 По прозванью Карповна.
 — Наша мати Богданья
 Брата с сестрой взвенчала.
⁴⁰ Еще бог меня сберег,
 Что я с тобой спать не лег.

Мешане Рогож. ч(асти)

№ 53

Что на горке на горе, на высокой, на крутой,
 На высокой, на крутой, стоял новый кобачок.
 Уж во етом кабачке удалые вино пьют,
 Удалые вино пьют, богатые дивуют.
 — Не дивуйте, богачи, за всё деньги заплачу.
 Во кармане грёбша с два, разменяю да отдам.
 Поверь, поверь, шинкарочка, поверь пивца и винца.
 — Верю, верю, молодой пан, на тебе есть синь кафтан,
 На тебе есть синь кафтан, за тебя дочку отдам.
¹⁰ Я не дочку панночку, прелестную кралечку,
 В субботушку молвили, в воскресенье ко венцу,
 В воскресенье ко венцу, не сказались отцу.
 Приехали от венца, не сказали ни словца,
 Не сказали ни словца, давай пивца и винца,
 Давай пить и гулять, по имени называть:
 — Скажи, скажи, молодой пан, <как> по имени называть?
 — По имени дворянин, по прозванью Карпов сын.
 — Скажи, скажи, панночка, как по имени зовут?
 — Мое имя Катерина, по отчеству Карповна.
²⁰ И брат сестру не узнал, за себя он замуж взял.
 — Пойди, Катя, в монастырь, а я пойду в темный лес,
 А пойду в темный лес, авось меня съест бес.

№ 54

Не соловушек по лесам летал —
 Добрый молодец по Москве гулял,
 По Москве гулял, тяжело вздыхал:
 — Мне не жаль-то своей сторонушки,
 Только жаль мне свою зеленá сада.
 Во садике есть три дѣревца:
 Первое дѣревце — древо кипарисное,
 Другое дѣревце — зелена груша,
 Третье дѣревце — сладко вишенье.
¹⁰ Кипарисное древо — родимый мой батюшка,
 Сладко вишенье — родимая матушка,
 Зелена груша — молода жена,
 Сучки-веточки — малы детушки.

Воронки, 1 августа 1833

№ 55

Мать сына порóдила,
 Отец сына не вóзлюбил,
 Ссылат сына с двора долой:
 — Ты мне, сын, не надобен.

СЕМНИК

Автолитография Л. С. Плахова, 1840-е годы
 Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Большая сестра коня вывела,
 Середняя коня седлала,
 Меньшая сестра плетъ подала,
 Подамши плетъ, слово молвила:
 — Когда, братец, домой будеши?
¹⁰ — Я тогда, сестры, домой буду,
 Как синё море всколыхается,
 Бел-горюч камень наверх всплывет,
 На камешке кустик вырастет,
 На кустике соловей вспоет.
 Синё море всколыхнулося,
 Бел-горюч камень наверх выплыл,
 На камешке кустик вырастал,
 На кустике соловей воспел.
 Пошли сестры брата искать.
²⁰ Большая сестра — щукой в море.
 Середняя — звездой в небо,
 Меньша сестра — цветом в поле.
 Большая сестра брата не нашла,
 Середняя мельком видела,
 Меньша сестра брата нашла
 Под кустиком под ракитовым:
 Убит лежит добрый молодец,
 Белая грудь возрезана,
 В черных кудрях мышъ гнездо свила.

№ 56

Ну-тко сядемте, робята,
 Посидимте, господа,
 Споем песню про себя,
 Мы не сами про себя,
 Про лакейское житье.
 Хорошо жить в<о> лакеях
 Во боярском дворе,
 Они подати не платят
 И подушных не дают.
¹⁰ Ах вы, глупые крестьяне,
 Вахлаки вы, мужики,
 Кабы пожили вы с нами,
 Обо всем бы вы узнали.
 Господа наши такие,
 Нерассудливы, благие:
 Поутру нас будят рано,
 Одеваться велят браво,
 На работу гонят скоро,
 Чтобы дело было споро.
²⁰ Они есть не запрещают,
 Всегда хлебом попрекают,
 На работу им не ложно,
 С нас и пот, как вода, льет,
 Нас работушка неймет.
 У нас праздники приходят,
 Мы не смеем погулять:
 Попроситься — не отпустят,
 Так уйти — не смеем.

Мы дождемся вечера,
 30 Пойдем гулять, не спросясь,
 Погуляем всеё ночь
 До белья до зари.
 Мы подходим ко двору,
 Сготовлено по кнуту.
 Мы станем оправдаться,
 Велят скоро раздеваться,
 Рубашонки тащат с плеч,
 Начинают больно сечь.
 Хоша бита спина больно,
 40 Да погуляно довольно.

№ 57

Во селе было Крашинском,
 На дворе фабричном,
 Молодец кросна́ собирает,
 Тяжело вздыхает,
 На подножки наступает,
 Слезно возрыдает.
 Полотно-то тóнко, бéло,
 А бердечко медно,
 Полотно берды подводит,
 10 Нитки подсекает,
 Нитки, нитки подсекает,
 Блízны натыкает.
 Мастера приходили,
 Блízны рассмотри́ли,
 Молодцá журили:
 — Не пора ль тебе, молодчик,
 Забывать сторонку,
 Не пора ль тебе, удалый,
 Покинуть девóньку.
 20 — Сторонушку не забуду,
 Девку не покину.
 Милá, как мне мила
 Родима́ сторонка,
 А еще того милее
 Красная девóнька.
 Потому она милéнька,
 Что ходит белéнько:
 Чулок белый, башмак красный,
 Сарафан кумачный,
 30 Рубашечка тóнка, бéла,
 Вечёр только вздела.

Песни, записанные Киреевским, публикуются в следующем порядке: подблюд-ные № 1—8, игровые № 9—20, лирические-частые № 21—38, лирические-протяжные, включая песни балладного и исторического характера, № 39—57.

Записи Киреевского хранятся в ГИМ, ф. 56 (песни 1—23, 25—26, 28—36, 38—40, 42, 45—57) и в ЛБ, ф. 125. Песни, находящиеся в ЛБ, распределены по разным папкам: № 24 (п. 11, л. 2940), 27 (п. 19, л. 4765), 37 (п. 11, л. 2914), 41 (п. 5, л. 1894), 43 (п. 5, л. 1805), 44 (п. 6, л. 1908).

№ 1—4. Календарно-святочные песни, известны с XVIII в. См. Чулков, ч. I, № 61, 63, 64, 79. Символика первых трех песен связана с представлениями о бо-

гатстве и благополучии, символика четвертой песни предвещает девушке замужество. Фрагмент этой песни — *НС* № 1079. Во второй песне слово «корысть» означает прибыль, приобретение; фрагмент песни — там же, № 1089 (ст. 1-й написан в две строки).

№ 5. Календарная святочная. Символика — предвещание отъезда на чужбину (для девушки — замужество). Близкие вар.: *НС* № 1074, 1081. Ст. 1-й данного текста, очевидно, искажен: в публикации (№ 1081) он звучит иначе: «Сидит воробей на Белогороде». См. также Шейн, в. 1, № 1104.

№ 6. Колядка с традиционным зачином (два первых ст.), после которого идет случайный подбор слов и образов. Близких печатных вар. не найдено.

№ 7. Весенняя игровая. 2-й ст. встречается во многих коротеньких календарных «ивановских» песнях — обычно каждый раз с другим контекстом. Наиболее распространено содержание — два голубя беседуют между собой о гулянье, на котором девушки встретятся с молодцами. См. Соб., т. IV, № 623—626; Лаговский, № 84 и др. Данный вар. дает иные образы и в печати неизвестен.

№ 8. Календарная, связываемая зачином — образами грозы — с весенними праздниками семика и триоци. Исполнялась во время завивания венков (*НС* № 1093; Солов, № 12). После двух вступительных строк текст обычно варьируется, давая в каждой местности свои образы. Упоминание «села Языкова» и включение в текст образов величальной подблюдной поэзии (деньги, наряды, жемчуга и пр.), символизирующих богатство, придают данной записи импровизационный локальный характер. В этом вар. песня в печати не встречена.

№ 9—10. По типу напоминают «наборную» для сбора хоровода или для образования пары (при парных играх). Наличие величальных мотивов роднит текст № 10 с игровыми величальными «припевками», восхваляющими участников «вечорки».

№ 11. По типу близка к «наборным» игровым. Возможно, что последние семь ст. относятся уже непосредственно к хороводной игре, в процессе которой девушки, сначала набравшие молодцов себе в пары, затем выталкивали их из круга.

№ 12. Известная игровая песня аграрного цикла, к которой прибавлены ст. из других песен. В вар. (см. Шейн, в. 1, № 276; Соб., т. III, № 614; Севолодский, стр. 115 и др.) после сходного начала идут текстовые расхождения.

№ 13. Игровая аграрного цикла с контаминацией игровых образов.

№ 14. Игровая (любовный цикл) с трехкратным варьированием при повторе основного сюжетного мотива. Редкая, в печатных сборниках не встречена. Перед текстом помета Бессонова: «Хороводная».

№ 15. Игровая (семейно-бытовой цикл), очень широко известная по многим устным и печатным вар. См. *НС* № 2891; Соб., т. II, № 245—256 и др. Данный текст по сравнению с другими записями укорочен. Судя по структуре и синтаксису, очевидно, запись сделана не во время пения, а с устной передачи.

№ 16. Известная игровая (семейно-бытовой цикл). Вар. и библиогр. см. Песни Печоры, № 283.

№ 17. Известная игровая (семейно-бытовой цикл). Чаще встречается с зачином «Как под белою под березою». Вар.: Соб., т. II, № 524, 525, 531—537; Севолодский, № 644. Особенностью данной записи является концовка с мотивом защиты молодки от побоев мужа (за молодку вступается золовка).

№ 18. Известная игровая (семейно-бытовой цикл). Обычный зачин «Вдоль по улице релей». Вар.: *НС* № 2662; Мажаровский, стр. 62, перепеч.: Соб., т. II, № 372. В тексте очевидная ошибка: в ст. 5, 17 и 28 должно стоять не «две» сестры, а «три», поскольку основной сюжетный мотив повторяется в песне, варьируясь не два, а три раза.

№ 19. По общему характеру и композиции — игровая (семейно-бытовой цикл). Редкая. Близких вар. в печати не найдено.

№ 20. Игровая. Противопоставление двух деревень друг другу с подчеркиванием недостатков одной и достоинств другой очень традиционно в народных шуточных и сатирических песнях. Как правило, подобные песни носят импровизационный характер.

№ 21. Очень широко известная лирическая-частая песня, в записях из многих районов. См. *НС* № 47, 681; Соб., т. III, № 304—318; Лаговский, № 107; Песни Печоры, № 81, и др. Имеет черты песен-величаний и в быту употребляется не только как плясовая, но и как игровая вечериночная «припевка».

№ 22. Очень популярная старая лирическая-частая песня, обычно употребляемая в быту в качестве плясовой. В разных записях имеет вар. зачинов. Данный зачин — наиболее традиционный. Вар.: Соб., т. IV, № 404—409. Публикуемый текст несколько укорочен.

№ 23. По ритму — типичная лирическая-частая с набором отдельных образов, характерных для плясовой лирики. Последние пять ст. совпадают с концовкой песни «Таня по полю ходила», известной в записях и публикациях с XVIII в. (см. Чулков, ч. I, № 155). В целом текст редкий, в основных печатных сборниках не встречается. В помете: «Воронки 31 июля 1833» явная описка: «июня».

№ 24. Лирическая-частая, известная по многим записям и публикациям дореволюционного и советского времени. См. Соб., т. IV, № 262—264. В записи Ефименко (стр. 71) имеется помета: «вечериночная». В зачине встречается вар. «Не беги, догоню,

красна девица душа». Начиная с 13-го ст. данный текст, очевидно, контаминируется с какой-то другой песней.

№ 25. Лирическая-частая, известная в записях с XVIII в., опубликована в ряде песенников 1790—1820-х годов. Переп.: Соб., т. V, № 542—547. Как правило, у всех текстов во второй половине расхождения друг с другом.

№ 26. Лирическая-частая типа плясовой с традиционными образами, характерными для этой разновидности народных песен. Перед текстом рукой Бессонова надписано: «Хороводная».

№ 27. Лирическая-частая типа плясовой. Отдельные традиционные образы подобраны на основе плясового ритма без стройной сюжетной схемы.

№ 28. Лирическая-частая типа плясовой с набором отдельных образов, встречающихся в различных плясовых. Как и в других подобных случаях, при отсутствии определенной сюжетной схемы носит импровизированный характер и не имеет точных соответствий в печатных изданиях.

№ 29. Лирическая-частая типа плясовой, известная в записях и публикациях в основном из районов Терской обл. Влиские вар. (более распространенные): Соб., т. IV, № 27—28. См. там же вар. № 25—26. Упоминание о гаданье на венках дает возможность связать исполнение данной песни с фольклором троицы и духовя дня. В публикации «Терского сборника», в. 1, стр. 118, имеется указание: «поется в духов день».

№ 30. Издавна широко популярная лирическая-частая типа плясовой, известная в очень многих записях и публикациях. Вар. и библиогр. см.: Песни Печоры, № 214. Данный вар. по сравнению с другими известными текстами значительно сокращен.

№ 31. Песня по типу лирическая-частая. Старая, очень редкая. Известна по публикациям первой половины XIX в. (см. Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову, собр. М. Сухановым. СПб., 1840; вар. переп.: Соб., т. I, № 171, с прим.: «сомнительная»). Данная запись дает укороченный текст.

№ 32. Очень широко и издавна известная лирическая-частая типа плясовых (возможно, исполнялась в хороводах с медленным напевом). Вар.: НС № 2926; Соб., т. II, № 49—56; Лаговский, № 111, и мн. др. Обычно все вар. имеют в последней части разночтения. Данный текст укорочен. В других текстах на месте неразобранного слова в примечании собирателя стоит слово «кровать».

№ 33. Зачин — первые пять ст. — вар. зачина предыдущей, после чего идет другой, малоизвестный текст. В такой контаминации текст в основных печатных сборниках не встречен.

№ 34. Лирическая-частая типа плясовых, в традиции бытовых песен о муже-недоростке. Вар. первой части текста — см. Соб., т. III, № 563—565. После ст. 10 стоял 11-й: «Стану голову чесати», зачеркнутый собирателем, очевидно как ошибочно вписанный раньше ст. «Сяду я под окошко».

№ 35. Лирическая-частая, контаминирующая отдельные традиционные образы плясовых и шуточных песен.

№ 36. Лирическая-частая, близкая к вар., записанным в Симбирской губ. Языковым (настоящ. том, № 47 и 48) и Д. А. Валуевым, а также к публикации Магнитского (№ 18). По содержанию приближается к игровым песням о чернеце, критикующем монастырскую жизнь.

№ 37. Лирическая-частая, типа антиклерикальных сатирических. Вар. — ИРЛИ, Р. V, колл. 216, № 1860; запись 1954 г. в Куйбышевской обл. от хора стариков, с более распространенным текстом.

№ 38. Лирическая-частая типа шуточных. См. Магнитский, стр. 78 (переп.: Соб., т. VII, № 429), в разделе «обыденных», с более длинным текстом и несколько иным припевом. Магнитский дает примечание: «Песня эта сочинена и поется крестьянкою села Беловолжского Натальей Савиной, муж коей ведет обширное знакомство с чувашами, часто навещающими его. Припев к песне — бессодержательный набор слов, созвучных с чувашскими». Текст редкий.

№ 39. Известная историческая баллада. Исследование и библиогр. см. «Исторические песни XIII—XVI вв.», тексты № 24—38, коммент., стр. 628—629. Данный вар. укорочен против обычного.

№ 40. Вар. лиро-эпической песни, цикл «удалых», имеющейся в записях и публикациях уже в XVIII в. См. Соб., т. VI, № 424—427, а также: Лопатин — Прокунин, стр. 164—170. Ср. записи Языковых, настоящ. том, № 1—5. Исследование близкого сюжета о царском «правеже», примыкающего к сюжету данной песни, см. «Исторические песни XIII—XVI вв.», стр. 672—673. Особенности данного вар.: 1) признание молодца в том, что он «держал притон», «носил добро красной девице», распросы царя о ней; 2) действие приурочено к Москве, что придает песне локальный характер; 3) вм. традиционных «четырех товарищей» (ножа, коня, ночи, лука) молодец называет семерых помощников; 4) отсутствует обычная концовка о виселице, обещающей молодцу царем. Возможно, что текст не закончен.

№ 41. Первые три ст. написаны Киреевским, остальное — неустановленным почерком. Лирическая-протяжная (любовный цикл), очень широко известная по множеству записей и печатных вар. Основные см. Соб., т. III, № 364—369. Обычный зачин

«Не сиди, Дуня, поздно вечером». В других записях имеется много разночтений в конце (героиня отчаивается, хочет покончить с собой, герои расстанутся и др.). Данный текст представляет укороченный вар.

№ 42. Лирическая семейно-бытовая баллада. Редкая. Вар.: Соб., т. I, № 294—297. Исследование сюжета — Б а л а ш о в, стр. 386. Данный текст длиннее и распространяется другие известные вар.

№ 43. Лирическая-протяжная (любовный цикл), контаминация двух песен: 1) начало — вар. известной протяжной песни «Сохнет травка без дождя»; 2) начиная со ст. 23 — известная протяжная балладного типа, имеющаяся в записи и публикации уже в XVIII в. (см. Ч у л к о в, ч. I, стр. 437, № 150). Более близкие вар. и библи.: Песни Печоры, № 23.

№ 44. Лирическая-протяжная (любовный цикл). Широко известна с устойчивым текстом. Вар.: Соб., т. V, № 225—232, записи из разных губерний.

№ 45. Лирическая-протяжная (любовный цикл), очень старая (известна в записи и публикации с XVIII в. См. П р а ч, № 18; Т р у т о в с к и й, ч. I, № 5, Собр. русских песен, 1792, № 11). Очевидно, городского происхождения. Обычный зачин: «Что ж ты, голубчик, невесел сидишь», совпадающий с зачином стихотворения Мерзлякова «Ах, что ж ты, голубчик, невесел сидишь». Вар.: *НС* № 1278, 1390, 1731, 1764, 2051; Соб., т. V, № 681—690, и мн. др.

№ 46. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл). Широко известная, бытующая и как свадебная (*НС* № 677, 1166), и как внеобрядовая (там же, № 1965, 2017, 2237, 2413, 2433; Соб., т. III, № 6—8, 14—18). Данный текст против других вар. укорочен.

№ 47. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл), очень популярная во многих районах и часто исполняемая при хождениях в хороводах (без драматургического разыгрывания). Перед текстом помета Бессонова: «Святочная». Вар.: Соб., т. II, № 433—438.

№ 48. Первые 11 ст. — лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл), приписываемая Евдокии Лопухиной, первой жене Петра I, насильственно постриженной им в монастырь. До 1917 г. считалась запретной. Известна на русском севере в районах старообрядческих поселений (по притокам реки Печоры). Вар. и библи. см.: Песни Печоры, № 64. Редкая. Начиная с 12-го ст. публикуемого текста — вар. фрагмента песни XVIII в. «Все люди живут как цветы цветут» (Песни Печоры, № 3). Два последние ст. настоящего текста — импровизация.

№ 49. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл). Один из полных, развитых текстов старой песни, известной уже в XVIII в. См. Соб., т. III, № 44—45.

№ 50. Вар. лиро-эпической песни о горе, преследующем человека. Сходное содержание и образы — см. Соб., т. I, № 440—448. Наиболее близкий вар.: запись Рыбникова из Олонецкой губ. (переп.: Соб., т. I, № 442). Редкая.

№ 51. Лирическая-протяжная типа баллады. В сюжете намечается сходство с былинной-балладой о Мих. Козарине (см. Б а л а ш о в, тексты, стр. 187—192, исследование сюжета — стр. 399). Данный текст очень сокращен.

№ 52. Лирическая типа баллады. Редкая, вар. известно относительно немного. См. В а р е н ц о в, стр. 71—72; М а г н и т с к и й, стр. 63 (переп.: Соб., т. I, № 292—293). Все известные вар. устойчивы и сходны между собой.

№ 53. Вар. предыдущей с несколькими иными образами.

№ 54. Лирическая-протяжная (возможно — рекрутского цикла). Образы типичны для традиционных лирических и величальных песен. Редкая.

№ 55. Лирическая-протяжная (семейно-бытовой цикл), балладного характера. Редкая. Вар.: Соб., т. I, № 256—258. В данном тексте интересны ст. 15—18 (неисполнимые условия выполнены, но брат все-таки не вернулся, и сестры только после этого идут искать брата). Текст сжат, но строен по композиции.

№ 56. Антикрепостническая песня, сложена в среде дворовых. Вар.: *НС* № 2372. Настоящий текст более строен композиционно, чем опубликованный в *НС*.

№ 57. Лирическая (любовный цикл); тема фабричного труда, намечаемая в зачине, очень быстро растворяется в теме любовной лирики, поданной в традиционных образах крестьянского песенного фольклора. Однако упоминания о фабричном дворе, мастерах и работе молодца на полотняной мануфактуре позволяют считать данную песню одной из ранних записей фабричной поэзии.